

ПОСТУПОК— ХАРАКТЕР— СУДЬБА

«— Видишь, мам, и в институт не обязательно.

— А куда? В рабочие? Отец, слышишь?

— Очень хорошо! В стране нехватка рабочих.

— Это ты как производственник рассуждаешь. Я тоже знаю, кто нужен стране! Но как мать...

— Ага! Вы, значит, двойные: с одной стороны — граждане, а с другой — родители! А мы, значит, одинарные, так?.. Да мы тройные, если хотите! Да-да! Граждане, как и вы, — раз. Дети: считай ваши подчиненные — два. И сами по себе — три! И все трое тянут в разные стороны, как Лебедь, Рак и Щука! Вектор равен нулю — и воз стоит. А чтобы сдвинулся, оставьте одну силу — нас самих!».

«Милый Эп».

— Уважаемый Геннадий Павлович, откуда вы черпаете материал для ваших книг, какова их первооснова?

— Жизнь, реальность. Моя первая повесть «Кандаурские мальчишки» — о моем деревенском военном детстве. Наполовину автобиографична и вторая. Я считаю, что «питаться соками», впечатлениями своего детства необходимо — ведь самый яркий, самый достоверный источник — собственная жизнь. Но идет время, все больше других судеб вторгаются в твою... Выросло иное поколение. Среды, увлечения, характеры, волнующие их проблемы — иные, чем у нас. Это поколение надо изучать. Какие же конкретные формы принимает это изучение?

Неиссякаемый источник наблюдения за детьми — своя семья, свои дети. Это очень благоприятная среда, потому что я для них не наблюдатель, не писатель, а просто отец, с которым строятся отношения, без рисовки и позы.

Многочисленные встречи с учениками в школах, библиотеках, в пионерских лагерях, без которых не обходится ни один детский писатель, дают множество впечатлений, позволяют ухватить общий дух, настрой ребячьего коллектива.

Более тесные контакты были у меня со школьниками на Братской телестудии, где я года четыре вел еженедельный журнал юных книголюбов «Золотой ключик». Сначала были письма, потом образовался кружок ребят, с которыми я общался постоянно.

Но самыми интересными, важ-

ными для меня были десять лет работы в спортивно-морском лагере «Варяг», созданном на берегу Братского моря.

— По существу ваша профессия писателя сомкнулась с профессией педагога, воспитателя?

— Безусловно. Меня интересует процесс становления человеческой личности. Я пришел к мысли, что нельзя ограничиться описанием чисто внешних обстоятельств, в которых находится ребенок, событий, в которых он участвует — даже самых необычных и увлекательных. Что с ним происходит, как влияет на него то или иное событие, действие, слово, личность? Как складываются его убеждения, жизненная позиция? И трудности я испытываю те же, что и учителя. Ведь чтобы писать о детях (или чтобы воспитывать детей), надо их знать.

Скажу откровенно: временами я впадаю просто в отчаяние, мне кажется, что «младое племя» так и останется для меня «незнакомым». Убежден: многие наши и родительские, и педагогические просчеты — от незнания детей, от неумения войти с ними в доверительный контакт.

В повести «Милый Эп» у меня есть такой эпизод: совместное собрание родителей и детей, на котором зачитываются ответы на вопросы анонимной анкеты. Родители, возмущенные этими ответами, требуют раскрытия анонимов, но у учительницы хватает твердости сохранить тайну, а у ребят — стойкости. Это урок для всех сторон.

Дети послевоенного поколения были душевно более открытыми, все в них просматривалось яснее. Нынешний подросток ревниво оберегает свой внутренний мир от «посягательств извне», которые (и часто виноваты в этом мы, взрослые) бывают слишком грубыми и неумелыми.

— Вы заговорили о современном подростке. Какие качества вы считаете наиболее характерными для него?

— Он весь соткан из противоречий, нынешний подросток. Романтичность, мечта о героических подвигах и больших делах соседствует в нем подчас с неумением претворить в практику даже самое, казалось бы, простое дело, перейти от намерений, слов к благородному, требующему «труда души» поступку.

Ранняя зрелость и инфантильность — вот его две «диалектические противоположности». Откуда они? Попробуем порас-

суждать. Ранняя зрелость — от раннего физического взросления, от широкой информированности об окружающем мире, от богатейших потенциальных возможностей личности. Все это зачастую вступает в противоречия с отношением взрослых к подростку, отношением, как к «еще маленькому», зависимому существу.

Страдает этим и семья, и школа. Мой герой задумал оставить школу. Он считает, что вырос из нее, как ребенок из тесной рубашки. Его стремление к независимости, его способность уже сейчас не брать у общества (и у семьи, родителей), а отдавать ему привела его к этой мысли.

Отчего страдает самолюбие подростка? Оттого, что взрослые относятся к нему неуважительно, снисходительно. Учитель может публично одернуть старшеклассника, родитель — лишний раз напомнить ему о его зависимости. Плохо, когда подростка стремятся подчинить себе, заставить все делать по указке, под контролем.

Много думаю я и о «другой стороне медали» — инфантильности наших детей. Выросло другое поколение, можно сказать, новая генерация. Оно живет в условиях мира, материального благополучия. Родители, которые сами в детстве испытывали голод и холод, всеми силами стараются облегчить своим potomкам жизнь. Иждивенчество, пассивность, потребительство — самые распространенные «болезни» наших детей. И предост-вращать их или лечить нужно не нудными нотациями, а организуя определенным образом всю жизнь ребят. В этой жизни должен быть хлеб, пусть пока маленький ломоть, но заработанный своим трудом, бескорыстный поступок на благо общества, духовные радости и прекрасная возвышенная цель.

— Можете ли вы привести пример такой организации жизни?

— Я уже упоминал спортивно-морской лагерь «Варяг», где несколько лет был комиссаром. Создатель его — Фред Исфин, человек, которого в Братске знают все. Я бы назвал его образцом «внешкольного воспитателя», который так нужен ребятам.

Лагерь-корабль на полном самообслуживании. Что это значит? То, что нужно мыть посуду и полы, в считанные секунды по-военному заправить постель, заботиться о своей форменной

одежде. Много на первых порах приходилось бороться с «чистоплюйством». Дисциплина, соблюдение устава, четкий режим, умение подчиниться... А перед нами этакое «дитя века», подросток, которого в семье не могут заставить сделать какую-нибудь мелочь, который, как должное, воспринимает родительские заботы...

«Варяг» преобразует его не сразу, не вдруг. Преобразует воспитание в ребячьем коллективе, нешаблонность педагогики, сам строй жизни. Здесь происходит переоценка ценностей. Оказывается, можно получить и моральное удовлетворение: и, более того, удовольствие от самой тяжелой и грязной работы. Оказывается, жертва ради друга, ради пользы дела, ради коллектива может принести радость.

В «Варяге» ребята принимают и делают многое, что не удается в школе и семье. И в этом один из удивительных парадоксов педагогики...

— Какие аспекты воспитания подростков особо волнуют вас?

— Семейное воспитание. Потребительство, меркантильность идет зачастую именно из семьи. Когда родители заняты в первую очередь заботами материальными, то, сами того не желая, передают эту «эстафету бездуховности» детям.

Школа — могучий противовес этой бездуховности. Так же, как литература. И в этом мы тоже заодно с учителями.

— И в заключение: ваш собственный любимый герой?

— Конечно, Милый Эп. Такой, «какой есть», со всеми своими тесно переплетающимися «плюсами» и «минусами», противоречивый, плохо «управляемый», отстаивающий свое право на самостоятельность. Он мне очень дорог, мой герой, тем, что способен на поступок благородный, честный, смелый. Поступок — характер — судьба. Логическая связь между этими понятиями нерасторжима. Есть в моем герое и еще одно прекрасное качество, которое определяет личность, правдолюбие. Со временем уйдет юношеский максимализм, отношение к жизни станет более зрелым, но если Эпу удастся отстоять свою бескомпромиссную честность, свои принципы, — он будет человеком. Я в это верю.

Интервью взяла
В. ГАЛКИНА.

г. Братск
Иркутской области.